

СОБЫТИЯ

Глава финкомитета Рады: Ассоциация с ЕС провалилась, нужно мириться с Россией

Глава Комитета по вопросам финансовой политики и банковской деятельности, нардеп от Радикальной партии Сергей Рыбалка призвал власти Украины к пересмотру соглашения об ассоциации с ЕС и заявил о необходимости восстановления экономических связей с Россией и странами СНГ.

«В соглашении с ЕС не отражены позиция Украины и ее экономические интересы», — отметил депутат. По мнению нардепа, на постсоветском пространстве такая же культура, как на Украине. «Мы очень похожи, так как мы были вместе в Советском Союзе и нам надо тщательно работать», — отметил Рыбалка. Рыбалка полагает, что Украина не смогла выйти на новые рынки и подобное положение дел обусловлено, прежде всего, потерей традиционного для Украины сбыта в Россию и страны СНГ. Немаловажным депутат считает, что наряду с экономическими проблемами существуют внешнеполитические и дипломатические сложности.

«Я считаю, что пока мы не приведём в порядок посольства, торговые миссии, наши чиновники не начнут заниматься развитием этих рынков, мы не сдвинемся с места и не найдём выхода. А этим нужно заниматься», — пояснил нардеп. Он также отметил, что у власти отсутствует план развития торгово-экономических связей страны. «Если у правительства сегодня нет плана на ближайшие 5–10 лет, то нация обречена быть планом другой страны или других лиц. А этого плана сегодня на 5–7 лет мы не видим, к сожалению», — заверил народный избранник.

общество

Что такое европейская мечта и почему в нее поверили

А теперь серьезно. Куда уж серьезнее. Часто спрашивают об идеологии.

О том, почему, скажем, «европейская мечта» соблазнила столько народу на Украине и почему та же Россия не могла или не хотела предложить ничего взамен. И чем эта мечта плоха или хороша. Мне кажется, мы опять попали в ловушку споров о терминах.

Абстрактно говоря, «европейская мечта» имеет как минимум два аспекта. Первый из них — богатство. Ещё и преувеличенное слухами. Да-да, пенсии по три тысячи, зарплаты по пять тысяч. Я, правда, таких пенсий у людей не видела, да и зарплат таких тоже. Ну разве что в одной из фирм, где я работала, хозяин себе назначил семь тысяч зарплаты.

В принципе, разница между уровнем жизни в Европе и, скажем, в России или на Украине где-то с 2002 года неуклонно уменьшалась. К тому же кажется ясным, что никто богатый деньгами делиться не будет: хочешь жить в богатом обществе — работай, чтобы оно стало богатым.

Есть, правда, ещё один аспект. Это порядок и равенство всех перед законом. Это не совсем зависит от богатства; возможно, богатство в итоге зависит от этого. И, как показывает опыт, автоматическое вступление в Евросоюз тут мало что даёт: вроде в Румынии и Болгарии, при всём уважении, порядка больше не стало.

Та идея, которая носилась в воздухе со времён перестройки, была именно «жить как в Европе». Кто-то вкладывал в это понятие именно возможность неплохо жить без особого напряжения; кто-то — возможность разбогатеть, потому что «умный предприниматель всегда богатый» (а умны-

ми считают себя все); кто-то мечтал о новых технологиях; позднее появилась и жажда «порядка и хороших законов».

В сравнении с идеализированной «Европой» неидеальной России предложить было нечего. Она ведь и сама стремилась к идеалу. А для Украины вопрос стоял примерно так: как лучше, быстрее и удобнее к этому идеалу приблизиться.

И самый простой ответ на вопрос был: присоединиться к тем, у кого всё это уже есть. А не двигаться долго и нелегко вместе с такими же «неудачниками». Да, свою роль сыграло не только сравнение «не идеала» с «идеалом», но и сказки о том, что Россия по природе своей силовой и обречена на тоталитаризм, бесхозяйственность и что там ещё было в полном наборе. Не думаю, что эти сказки не стимулировались извне, но не это важно — важно, что они работали.

Поэтому и сотрудничество с Россией украинские элиты (в том числе промышленные) рассматривали как выгодное, но не как перспективное. Примерно как добротное место в первой пятёрке первой лиги, когда хочется в высшую.

Я помню, как я много лет назад задала вопрос, почему наша элита (имела в виду элиту промышленную восточноукраинскую, даже главным образом донецкую) так боится раздражать «условный Запад», что готова делать часто очень болезненные внутриполитические уступки (а попросту говоря, сдаваться, даже имея не-плохие исходные карты

и будучи по закону вообще кругом права). Я привела пример одного довольно известного чиновника, который после первого майдана вынужден был бежать в Россию и хорошо там устроился. Ответ был: «Для его поколения это подходит, но наши молодые, они хотят лучше». Действительно, сдаваться было обидно, но ещё обиднее казалось добровольно отрезать себя от идеала, где хотелось бы, может, жить в старости и адаптироваться к той, идеальной жизни если не детей, то внуков.

Кстати, теперь я лучше понимаю покойного Дмитрия Корнилова (который по праву должен быть причислен к великим), поднимавшего вопрос об идеологии ещё в середине 90-х. Что это должно быть, спрашивал он, — «идея общей судьбы»? Мне тогда казалось, что Дима ломится в открытую дверь. Но что касалось элит и перспектив, — он поднимал вопрос правильно. Идея традиционных экономических связей и дешёвого газа, по сути, не лучше идеи «зарплата по пять тысяч и пенсий по три» и, будучи вполне практичной, глобально неперспективна.

Случилось так, что будучи плюс-минус того же поколения, что и эта элита, я очень хорошо изучила на своей шкуре разницу между туризмом и эмиграцией. Поэтому я и вижу, что сравнивать реальное (и благодарности культур и менталитетов хорошо просматриваемое) положение вещей с абстрактным идеалом неправильно. Вполне возможно, что если всё будет хорошо идти (а я искренне желаю этого и Европе, и России), всё отставание — вопрос ещё десятка лет. (И между Россией и Европой по качеству жизни не будет разницы). Что по историческим меркам ерунда, хоть по человеческим и обидно; но и ускорять — себе дороже.

К тому же. Элиты везде имеют свойство и отры-

ваться от реальности, и приносить чьи-то интересы (или кого-то) в жертву своим настоящим или придуманным приоритетам (возможно, мелким и сиюминутным). При этом в назначенной на роль жертвы стране олигархи и работники могут оказаться практически в одной цене. Всё это, впрочем, не идеология, а обычный прагматизм: не хочешь быть жертвой, в первую очередь не очаровывайся и следи за руками. И не думай, что ты решишь все проблемы, если звёзды правильно станут и тебя вдруг куда-то «возьмут».

Другое дело, что... Ну как бы это объяснить. Степень готовности различных сторон бросить тебя «в топку» зависит частично от этих сторон, а частично и от тебя. Скажем, Россия явно не хотела заварухи на Украине, в том числе и потому, что пожар на территории, лежащей между собственной границей и Евросоюзом и населённой, можно сказать, ближайшими родственниками, мало кого бы обрадовал. А вот для «главных» стран Евросоюза пространство между Россией и окраинами ЕС не было уж столь критично; возможно, не было и ощущения, что реально может загореться.

(Штаты я намеренно не рассматриваю: я не знаю, как там обстоят дела, могу только подозревать, что если европейцы не очень нас понимают, то за океаном, у людей, не привыкших ни к необходимости знания иностранных языков, ни к необходимости вникать во что-то происходящее за собственными границами, с пониманием должно быть сильно хуже, и рулить должны предубеждения и представления о представлениях. Соответственно, то, что незнакомо, может быть, не так жалко.) Но важно ещё вот что. Внутри Украины накопилось столько противоречий, годами загоняемых вглубь, что страна оказалась беззащитной перед вызовами. Идеал поминал пальчиком, — и все побежали, сначала наивные сторонники «евро-

пейского выбора», а потом все подряд, включая те силы, которым по сути та же Европа была без разницы, а просто хотелось «перевернуть столик» в свою пользу. У старой донецкой элиты, кстати, хватило прагматизма не верить в красивые сказки и пытаться «строить Европу» дома. Но им не хватило, возможно, прагматичной идеологии, не позволяющей очаровываться «идеалом» настолько, чтобы жертвовать своими коренными интересами. И, возможно, действительно не хватило ещё и чего-то вроде идеологии «общей судьбы», хотя, как по мне, даже без этого сдаваться было необязательно.

Короче. Не надо у себя строить именно Европу. Нужен свой идеал. Который лучше не вообще, а лучше для нас. Его нужно сформулировать и предъявить обществу. В советское время такой идеал был. Пусть в чём-то ошибочный. Пусть где-то неосуществимый. Но в него верили. И пока верили — все было хорошо. Проблемы начались, когда в свой идеал верить перестали.

Вот, например, Израиль строит не Европу и не Америку, а Израиль. Проблем с союзниками и врагами выше крыши. Не меньше проблем и внутри страны. Есть проблемы и с идеализацией определённых сил, которых традиционно считают союзниками. Но всё же они строят сами себя, с минимумом иллюзий, и в целом получается.

Елена Геллер

Кстати Россия после второго пришествия Путина, наконец, начала строить саму себя. Тоже проблем с союзниками и врагами выше крыши. Не меньше проблем и внутри страны. Есть проблемы и с идеализацией определённых сил, которых традиционно считают союзниками. Иллюзий, пожалуй, поболее, чем в Израиле. Но тоже начинает получаться. И главное россияне начинают в Россию верить. И многим это не нравится. Ибо появилась альтернатива.